

Краснов Петр Николаевич

**Донцы. Рассказы из казачьей
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Николаевич К.**
Донцы. Рассказы из казачьей жизни / Краснов Петр Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 225 с.

ISBN 978-5-519-90924-2

ISBN 978-5-519-90924-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введение.

„Россійская армія“, говоритъ Чуйкевичъ, „имѣетъ великую выгоду передъ всѣми народами своими казаками, которые образомъ своего учрежденія и службы дѣлаютъ государству существенную пользу“. Казакъ есть воинъ по рожденію, по воспитанію, былъ до начала нынѣшняго столѣтія и вѣчнымъ воиномъ по образу жизни.

Не рескрипты и приказы, не приказанія и штаты, не уставы и наставленія дали Россіи казаковъ и образовали ихъ жизнь, — а извѣстное сочетаніе мѣстныхъ условій, благопріятно отозвавшееся на появленіи по границамъ вольныхъ людей, безшабашныхъ головъ, любящихъ приключенія и боевыя схватки. „Казакъ“ слово не русское, а тюрко-татарское и значить въ переводѣ — вольный, свободный. Когда впервые появилось это слово, когда появились настоящіе казаки, — установить трудно. Уже въ серединѣ

XV вѣка по городамъ въ видѣ конной стражи являются „городовые казаки“, но они не имѣютъ ничего общаго съ тѣми казаками, про которыхъ говорить Чуйкевичъ.

Донскіе казаки въ восточной Руси, а въ юго-западной — днѣпровскіе, запорожцы, впервые упоминаются около 1549, а формально существованіе войска Донскаго считается съ первой грамоты царской, касающейся казаковъ, т. е. съ 3 января 1570 года.

Вѣрнѣе будетъ положить началомъ казачества тѣ времена, когда ослабленная орда татарская стала подаваться изъ предѣловъ Россіи, образуя отдѣльныя ханства на юго-восточныхъ предѣлахъ Европы; когда то обширное наводненіе тюрко-татарскихъ племенъ, два вѣка подрядъ грозившее порабощеніемъ всему образованному міру и заставлявшее трепетать даже наиболѣе могущественныхъ правителей европейскаго континента, начало входить въ берега и удаляться въ родныя свои, безпредѣльныя среднеазіатскія степи; когда оправившіяся русскія княжества начали собираться вокругъ своихъ князей и незначительный дотолѣ московскій князь становится могущественнѣйшимъ-правителемъ всей сѣверо-восточной Руси. Тогда-то тѣ элементы, которые имѣли въ себѣ избытокъ силы, жизненной энергіи, и не могли согласиться на подчиненіе властямъ, установленнымъ отъ московскаго правительства, рѣшиться осѣсть на одномъ земельномъ участкѣ и, платя подати и налоги, существовать обработкою земли—уходили въ привольныя Донскія степи, тамъ искать мѣста, гдѣ бы могла раз-

махнуться молодецкая рука, гдѣ бы былъ просторъ проскакать на добромъ конѣ, мѣткой стрѣлой сбить плывущаго по поднебесью бѣлаго лебедя.

Степь, покрытая тучной травой, была отличнымъ пастбищемъ для скота. Мелкорослые сайгаки большими стадами паслись на ней, въ балкахъ и въ кустарникахъ не рѣдкость были дикія свиньи и олени; сѣрый волкъ и лиса попадались часто. Въ пищѣ недостатка не было, Донъ и притоки кишѣли рыбой... Охота, рыбная ловля, да лихіе поиски „за зипунами“— были время препровожденіемъ первыхъ донцовъ.

Не воры и разбойники шли на Донъ, шли тѣ, кому тѣсно было въ бревенчатыхъ городахъ и всяехъ Московскаго государства, шли русскіе авантюристы, русскіе Кортены и Пизарро; шли, наконецъ, люди старой вѣры, слишкомъ преданные завѣтамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, чтобы отступить отъ нея ради Никоновской ереси.

Небольшими станицами, нерѣдко зиму и лѣто подъ открытымъ небомъ проводили казаки всю жизнь, то на охотѣ, то въ набѣгахъ на татаръ то въ дальнихъ морскихъ поискахъ на стругахъ однодревкахъ. Вольный казачій духъ искалъ простора, искалъ славы, искалъ добычи—вездѣ, гдѣ ее можно было взять съ саблѣй въ рукахъ:—будь то мирный русскій купецъ, тянущій лодку съ персидскимъ товаромъ по Волгѣ, будь то татарскій отрядъ на чудныхъ степнякахъ, разодѣтый въ шелки и бархаты, будь то турецкій гаремъ, охраняемый регулярной стражей—всюду равно была игра на жизнь и на смерть, равно

была богатая добыча и слава передъ „атаманами и казаками“.

Кой гдѣ въ глуши лѣсовъ, между болотъ стояли наскоро построенные жердяные городки казачьи, кой какъ обнесенные тыномъ. Не было тамъ богатыхъ хоромъ, красивыя церкви не сіяли на солнцѣ своими куполами. Просто жили и атаманы и казаки, не любили они замысловатыхъ украшеній, чтобы „не игралъ на нихъ глазъ вражескій“, а въ случаѣ сильнаго натиска бросали казаки свои дома и уходили въ степь. „Пускай, говорили они, басурманы жгутъ городки наши, мы въ недѣлю выстроимъ новые; и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять ихъ“.

Казаки вели борьбу съ лучшими наѣздниками всего міра, съ татарами, положившими первыя начала понятію о томъ, что такое кавалерія и въ чемъ ея сила—и казакамъ для того, чтобы побѣждать, надо было самимъ стать еще лучшими наѣздниками, сидѣть на болѣе крѣпкихъ, пріемистыхъ, быстрыхъ лошадяхъ, имѣть лучшее оружіе. „Душа — добрый конь“ становится неизмѣнной принадлежностью казака; казакъ перенимаетъ восточную посадку, управление уадечкой, и „въ проворствѣ, ловкости и во всѣхъ воинскихъ хитростяхъ, употребляемыхъ при наѣздахъ“, далеко превосходитъ „столь же дерзкихъ, храбрыхъ и неутомимыхъ своихъ соперниковъ“. „Казакъ шель въ травѣ съ травой

ровень: высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, заборъ, все способствовало всаднику-невидимкѣ. Воины и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Переправу чрезъ широкія рѣки переняли отъ азіатцевъ: они клали сѣдло и вьюкъ на нѣсколько пучковъ камыша, плотно связаннаго (что называлось салю), привязывали его веревкою къ шеѣ или къ хвосту лошади, самъ-же казакъ, держась за узду, пускался съ конемъ вплавь. Вожаки, слѣдовавшіе впереди, умѣли отличать на травѣ слѣдъ непріятельской конницы, такъ что по сакмѣ *) узнавали, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда пошелъ, и когда именно прошелъ, сегодня, вчера, или третьяго дня **).

Истошатся у казака его запасы, сносится платье, пропьетъ онъ свое серебро, золото, надѣстъ охота за звѣремъ да за птицей и выходитъ казакъ на площадь передъ станичной избой и, кинувъ вверхъ шапку, громко восклицаетъ: „Атаманы молодцы, послушайте!.. на сине море, на Черное поохотиться; на Куму иль Кубань рѣку за ясырми (плѣнными); на Волгу матушку рыбки половить; подъ Астрахань, на низовье за добычью; или въ Сибирь пушныхъ звѣрей пострѣлять“. Кто хотѣлъ идти въ поискъ, кидалъ тоже шапку, потомъ собирали деньги и устраивалась общая выпивка. Богатые казаки снабжали бѣдныхъ деньгами, оружіемъ, лошадьми,

*) „Сакмою“ называется слѣдъ отъ конскихъ ногъ, оставшійся на травѣ.

**) Броневскій, Исторія Войска Донскаго.

и отрядъ, помолившись Богу въ церкви или голубцѣ, шель за добычей. Таковъ былъ поискъ безсмертнаго Ермака Тимофѣевича, и уже позднѣе Кондратія Зиновьевича Булавина; морской набѣгъ казака Ивана Богатаго и закубанскій походъ Ивана Матвѣевича Краснощокова...

Но московское княжество росло и возвышалось. Татарскія ханства падали одно за другимъ... Ходить на Волгу, обижать русскихъ купцовъ было опасно; въ Россіи чувствовалась казакамъ мать, и хотя казаки и не считали себя русскими *), но одинаковые по вѣрѣ, по обрядамъ и по обычаямъ, говорящіе однимъ языкомъ, наконецъ, вышедшіе изъ тѣхъ же городовъ великорусскихъ, они охотно согласились отдаться подъ покровительство царя московскаго и въ набѣгахъ и поискахъ своихъ заботиться объ интересахъ царскихъ.

Въ 1637 году казаки безъ всякихъ приспособлений овладѣли Азовомъ и били имъ челомъ Михаилу Теодоровичу. Россіи, только что пережившей смутное время, было не до Азова, изъ-за котораго того и гляди пришлось-бы начать новую войну—и разоренный Азовъ снова перешелъ къ туркамъ...

*) Еще Филоновъ, въ 1859 году издавшій свои „Очерки Дона“, замѣчаетъ... „Тебя непременно спросятъ: „а что у васъ на Руси?“ Удивительно! Казаки будто не считаютъ себя русскими, и въ то же время цѣлые полки ихъ берегутъ Россію. Они стоятъ за Русь, они ея дѣти—всѣ отъ атамана до простаго казака — они русскіе, въ нихъ та же православная вѣра, то же рвеніе за честь, царя, но все спрашиваютъ: „вы русскій?“ „вы изъ Россіи?“ Странно!..“

Рыцарская, вольная жизнь казаковъ кончалась. Правительство, смотрѣвшее прежде сквозь пальцы на набѣги и грабежи донцовъ, на ихъ поиски въ Крымъ и Турцію, приняло рядъ мѣръ къ урегулированію жизни казаковъ. При Іоаннѣ Грозномъ послы войсковые ласкались въ Москвѣ и щедро награждались, а въ Константинополѣ русскій воевода отрекался отъ казаковъ и называлъ ихъ ворами и разбойниками...

Своеобразна и необыкновенно патріархальна была жизнь донцовъ этого періода. Все управленіе находилось въ рукахъ выборнаго атамана, который при помощи войсковыхъ есауловъ, общимъ совѣтомъ, или кругомъ рѣшалъ всѣ дѣла. Отписки въ Москву, въ посольскій приказъ вершилъ войсковой дьякъ, а частныя дѣла, касавшіяся однихъ донцовъ, судъ провинившихся, отвѣты на запросы московскаго правительства производились общимъ голосованіемъ въ войсковомъ кругу. По повѣсткѣ или сполуху казаки собирались къ войсковой избѣ. Когда соберется много казаковъ — войсковой атаманъ съ булавой въ рукѣ, имѣя впереди себя войсковыя регаліи и предшествуемый есаулами, входилъ въ середину круга. Есаулы клали свои жезлы, читали молитву и кланялись атаману и всѣмъ казакамъ, затѣмъ, получивъ отъ атамана приказаніе, возглашали: „помолчите атаманы молодцы и все великое войско донское!“

Наступала полная тишина. Всѣ внимательно слушали общее дѣло. Есаулы на словахъ объясняли, какой запросъ, или какое предложеніе

получили казаки, и затѣмъ спрашивали—„любоби, вамъ, атаманы молодцы?“—Казаки кричали въ отвѣтъ „любо“, или „не любо“. — Если они не соглашались, есаулы ихъ уговаривали, но въ общемъ рѣшали всегда такъ, какъ хотѣлъ кругъ. Въ случаѣ особо важнаго дѣла: похода по Царскому повелѣнію, или „добыванія зипуна“ у бусурманъ — казаки обсуживали его со „всего казачкаго ума въ войсковомъ кругу“, для этого по всѣмъ окружнымъ станицамъ разсылались грамотки о сборѣ въ Черкасскъ для ратнаго дѣла. Казаки, собираясь въ походъ, пропивали или проигрывали въ „зерна“ все кромѣ одежды да оружія. Въ походѣ сильно рассчитывали на добычу.

И въ частномъ своемъ быту казаки проводили время также просто, беззатѣйно, безъ стѣсненія своей свободы. Казаки древнѣйшаго періода, жившіе въ своихъ камышовыхъ городкахъ, вели жизнь безбрачную. На цѣлую станицу едва-едва можно было найти одного, двухъ женатыхъ, да и тѣ большимъ уваженіемъ не пользовались. Съ теченіемъ времени земли казачьи послѣ cadaго похода увеличивались, самыя походы становились рѣже, дома чувствовалась потребность въ хозяйкѣ. Въ прелестныхъ плѣнницахъ недостатка не было. Но по уставу церковному рѣдко кто вѣнчался. Обыкновенно женихъ и невѣста приходили въ людный день на станичную площадь и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: „ты будь мнѣ жена“. Невѣста кланялась мужу въ ноги и говорила: „а ты будь мнѣ мужъ“. И послѣ этого жили

вмѣстѣ. Если мужъ и жена надоѣдали другъ другу, то разводъ совершался также просто, безъ всякихъ формальностей. Мужъ выводилъ жену на сборъ и говорилъ: „не любя!“ — Если его жена кому-нибудь нравилась, то ее покупали, платя мужу столько, сколько можетъ увести нагруженная, но не перегруженная, лошадь. Купившій покрывалъ разведенную жену полою въ знакъ снятія съ нея позора развода, и тѣмъ дѣло кончалось...

Такіе простые обычаи, жизнь, полная боевыхъ приключеній, отсутствіе роскоши, большая безпритязательность казаковъ на пищу и питье неизмѣнно должны были и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ отразиться на казакѣ. Казакъ любилъ свой кругъ, своего выборнаго атамана, любилъ ихъ потому, что онъ самъ ихъ придумалъ, потому что никто не навязалъ ихъ ему. Великій преобразователь Руси, создавшій изъ Московіи Россійскую Имперію, уважаемую всѣми народами, жестоко преслѣдуя въ Москвѣ старину, сбывая бороды и собственноручно обрѣзая полы у кафтановъ, съ большимъ уваженіемъ отнесся къ донскимъ стародавнимъ обычаямъ и, подтверждая права казаковъ рѣшать всѣ дѣла свои въ войсковомъ кругу, избирать себѣ атамановъ, 21 февраля 1706 пожаловалъ войску Донскому честныя клейноды, а именно войсковымъ атаманамъ какъ знакъ ихъ власти—перначъ *) и бунчукъ съ яблокомъ, доскою

*) Серебряный, позлащенный жезлъ, украшенный драгоцѣнными каменьями.

и серебряною вызолоченою трубкою, а войску большое знамя, писанное на камкѣ золотомъ, и 6 станичныхъ камчатныхъ знаменъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ...

Войсковые круги остались въ прежней своей силѣ—но составъ ихъ измѣнился. Въ то время, какъ прежде на кругу участвовалъ всякій—теперь здѣсь были только станичные атаманы, да по два уважаемыхъ выборныхъ старика. Правленіе изъ народнаго сдѣлалось аристократическимъ.

Вольная жизнь казаковъ приходила къ концу. Атаманы и богатые казаки не могли уже болѣе собирать ватагу на разбойничьи удалые поиски, да и поиски стоили дорого, считались противузаконными и давали мало добычи. Изъ громаднаго разбойничьяго общества, жившаго добычей, казаки путемъ реформъ обращались въ дивное конное войско, идеальное для малой войны, въ войско, гдѣ каждый воинъ, можно сказать, родился на конѣ*), сжилъ съ нимъ и узналъ его...

Выборные атаманы сердцемъ принадлежали войску, нерѣдко заискивали передъ кругомъ и потворствовали ему. Это было неудобно для императорской власти—и вотъ, въ царствованіе Анны Іоанновны указомъ 17 марта 1738 года пожалованъ войсковымъ атаманомъ изъ старшинъ Данило Ефремовъ, и съ этого времени уже не выборъ казаковъ, а власть Императора ставила атамана надъ казаками.

*) „Казака кобыла родила“ — говоритъ старинная казачья пословица.